

В АНИ, когда развертывается всенародное обсуждение проекта новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза — программы «планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны», думаешь и о том, что сделано многонациональной нашей литературой, и о ее устремленности в будущее, о тех новых больших и ответственных задачах, которые предстоит ей решать.

Эти задачи поставлены партией на апрельском и октябрьском (1985 г.) Пленумах ЦК КПСС. «...Добиться того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей» — этот призыв обращен к каждому советскому человеку, где бы он ни трудился. Этот призыв обращен и к литераторам, призванным обогащать общество новыми духовными ценностями, создавать произведения, достойные нашего времени. Сегодня, когда мы идем навстречу XXVII съезду КПСС, наша общественная атмосфера такова, что нельзя уже удовлетворяться достигнутым.

В свете сегодняшних требований возникает насущная необходимость обратиться к богатейшему опыту советской литературы, вспомнить заветы ее великих основоположников, соотнести с этими заветами явления и факты современного литературного процесса. И прежде всего обращаясь к художественному, публицистическому, литературно-критическому наследию Максима Горького, ко всему огромному опыту его жизни. Ведь творчество знаменитой литературы социалистического реализма — не архив, а боевой арсенал, где в строгом порядке разложено «старое, но грозное оружие» настоящих и будущих битв за коммунизм. Ведь Горький и сегодня продолжает оставаться нашим великим учителем, уроки которого и в наши дни вооружают нас энергией, открывают новые пути творческих поисков, зовут вперед.

Творчество Максима Горького классически многомерно, оно далеко еще не познано до конца, и каждый новый виток общественной истории способен высветить новую важную грань художественной мысли писателя. Так, например, почему свои последние, наиболее насыщенные всесторонним опытом годы жизни Максим Горький отдал изображению нравственно ничтожного человека, да еще уделяет этому четыре монументальных тома «Жизни Клим Самгина»? В чем таится смысл этого художественно-политического завещания, оставленного нам удивительным мыслителем?

С одной стороны, в будущее проецируется революция, шире говоря, борьба народа за социально справедливые условия жизни для всех людей. Но, с другой стороны, столкнувшись в начале века с ренегатством российских, а после Октябрьской революции и всемирных либералов, Максим Горький сурово предупреждает: страшную опасность и постоянную угрозу для революции (для общих интересов народа, для счастья человечества) представляют те особи, которые, имитируя — подчас искусно — свою революционность, ищут любой ценой и при революционном социальном переустройстве исключительно лишь своей выгоды.

В историческом докладе на Первом съезде советских писателей в качестве опорной и фундаментальной мысли великий писатель, суммируя свой непревзойденный жизненный и художественный опыт, выдвинул положение о том, что образование советской литературы есть победа большевизма, иначе говоря, победа ясной социальной творческой позиции, направленной на активное переустройство мира и человека в нем на справедливых социальных началах.

Горьковское требование ясной социальной позиции — ключевое и для него, и для советской партийной по своему духу литературы. Оно не устарело и никогда не может для нас устареть! «Литератор — глаза, уши и голос класса», — напомнил Максим Горький. И утверждал: «Эпоха повелительно требует от литератора участия в строительстве нового мира, в обороне страны, в борьбе против мещанина... эпоха требует от литературы активного участия в классовых битвах». Разумеется, сейчас главной ареной классовых битв является для нас борьба против мирового империализма, борьба за мир, но разве эта битва не должна мобилизовать все силы нашего революционного духа на то, чтобы страна наша становилась все сильнее и могущественнее, ибо от этого вновь, как в годы Великой Отечественной войны, зависит уже не только судьба мировой цивилизации, но сама судьба человечества.

Речь, конечно же, идет именно о позиции, об определении своего места в борьбе миров, о реальном вкладе в эту борьбу, а не о дидактике и примитивной назидательности. Активная деятельность, воплощенная в напряженном труде, многообразии художественных решений в творчестве самого Максима Горького свидетельствуют об этом непреложно...

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ обществе, сказано в проекте новой редакции Программы КПСС, «создана передовая культура, вбирающая в себя все лучшее из культуры общечеловеческой. Советская многонациональная литература немало накопила ценного и в горьковский, и в послегорьковский периоды своего развития. Истоки ее могучего влияния, отмечается в проекте новой редакции Про-

граммы КПСС, — «в верности правде жизни, идеалам социализма и коммунизма, глубоко гуманизме и оптимизме, тесной связи с народом». В каждом из жанровых подразделений нашей литературы, без исключения, созданы произведения, которыми мы по праву гордимся, многим из них суждена долгая жизнь.

Смело можно утверждать, что горьковское пожелание, обращенное к советским писателям, о деятельном участии в жизни страны стало требованием нашей жизни, что до конца развеян миф о башне из слоновой кости, обязательной отгороженности творца культуры от забот народных. Можно утверждать также, что по мере своих сил и возможностей писатели Советской страны стремятся следовать завету Максима Горького, прямо высказанному на Первом съезде советских писателей: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда...». Действительно, так называемая «производственная» тема в своих заметных проявлениях — от «Цемент» Ф. Гладкова и «Людей из захолустья» А. Малышкина, от «Сотни», «Дороги на океан», «Скутаревского» Л. Леонова, «Время, вперед!» В. Катаева и «Танкера «Дербент» Ю. Крымова до повестей и романов В. Кожевникова, до романа Ю. Скопа «Техника безопасности» и повестей И. Васильева, да обобщивших все театры страны пьес Г. Бокарева, И. Дворецкого, А. Гельмана — сумела выявить органическую взаимосвязь социальной морали и производственных коллизий в нашей действительности, и мы глубоко благодарны тем, кто сумел это раскрыть во всей остроте проблемы. Однако уже здесь начинаются некоторые «ню». Ведь мысль Максима Горького не исчерпывается цитируемыми словами, она завершается формулой, которая как бы усколь-

Юрий АНДРЕЕВ

УРОКИ

Максима Горького

зает от нашего внимания: «Мы должны научиться понимать труд как творчество». Достаточно ли высока, определенна и по-горьковски гуманистична наша позиция в этом вопросе? Не упрощаем ли мы свою задачу? Ведь мысль Горького предполагает более широкий взгляд на человека, «организуемого процессами труда», как на творца всех материальных и духовных ценностей. Ведь только труд является мерилом общественной ценности и самого человека. Предполагает и более углубленный взгляд, способный ухватить не только статическое, но и динамическое, развивающееся состояние психологии личности и мира ее ценностей.

Максим Горький неоднократно разъяснял пути диалектического решения этого вопроса. Он писал, в частности, в статье «О литературе и прочем»: «Труд... всегда давал ключи ко всем тайнам жизни, а ныне у нас не только возрождает, а превращает старинную легенду о подвигах Гераклея и богородица Прометей, — вот он, подлинный герой нашей действительности!.. боги трудового народа не что иное, как идеальные работники, мастера своего дела: Вулкан и Тор — кузнецы, Геба, Фрейя — отличные стряпухи, Диана — удачливая охотница, Вейнемейнен — музыкант и т. д.». Смело полагаю, что ныне он включил бы в эти «и т. д.» также и тех добросовестных богов, которые ответственны за обучение, за научную и торговую деятельность, — словом, еще более расширил бы список «мастеров своего дела».

И — вопрос, который не может не тревожить, не проистекает ли нынешнее усеченное представление об «идеальных работниках» из той причины, что в ряде случаев активное вторжение в жизнь, к которому страстно призывает Максим Горький писателей, подменяется скольжением по ее поверхности? Он мечтал о том, чтобы «вести в текущую литературу хотя бы отдельные куски — частные синтезы — грандиозной действительности нашей». Будем говорить прямо, как того требует наше ответственное время: текущая литература задолжала обществу весьма солидные куски «грандиозной действительности нашей»! Слышу возможный упрек: ведь и о целине, и о БАМе, и об освоении нефтегазовых богатств Западной Сибири немало писалось. Да, таких книг мы знаем уже немало, в вот покоряющих воображение образов все еще нет. Речь должна идти об укрупнении мас-

штабов художественного постижения действительности, о создании типов героев нашего времени. «У нас, в наших литературных произведениях, несмотря на то, что сами мы живем большими страстями, страстями творческими», — говорил Максим Горький в 1931 году, — «мы в нашу литературу не вводим сильные страсти, как-то не выходит этого, а пора уже этому научиться».

Действительно, пора! Все еще мало полнокровных литературно-художественных произведений о сегодняшних людях и процессах в жизни современного села. О деревне пишется вроде бы не так уж мало. Но сейчас происходят новые процессы, и непозволительно не замечать их.

Традиционно сильной всегда была у нас художественная литература о людях армии, о человеке с ружьем, о его долге и его подвиге. Но сейчас не многие имена из современной литературы приходят в голову. А можем ли мы похвалиться глубоким художественным постижением тех кардинальных процессов, что совершаются сегодня в рабочем классе? Тех процессов, без которых невозможно ускорение всех сфер развития нашего бытия. Полагаю, оснований для самодовольства нет никаких.

Новизна жизненного материала, новый характер человека труда, его конфликты требуют глубокого и многостороннего знания нашей быстро изменяющейся действительности. Без этого знания писатели оказываются способными лишь к работе в качестве мемуаристов либо к элегиям данников, посетивших родные и, увы, столь изменившиеся со времен детства места. Почему же у иных авторов отсутствует импульс к активному постижению динамической жизни? Ответ на этот вопрос дают иные «теоретические» положения. Вот характерная цитата из статьи В. Фортунатовой: «Как бы долго и увлеченно ни говорил критик о гигантских преобразованиях в «стране Тюмени» или об изменениях «человеческой личности» в связи с бригадным подрядом, он оставляет читателя холодно-спокойным, потому что здесь нет и речи о художественном слове, которое подвластно своим законам» («Вопросы литературы», № 11, 1984).

Остается только гадать: что же это за «свои законы» художественного слова, которые, по мнению автора статьи, лежат вне сферы отражения действительности? Как же быть в таком случае с Максимом

Горьким, который видел достоинство А. С. Пушкина, например, в том, что «он первый поднял звание литератора на высоту до него недосягаемую; в его глазах поэзия — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни?»

В том-то и беда, что грандиозные проблемы реальной жизни некоторых литераторов оставляют «холодно-спокойными». Для них «художественное слово» — это одно, а боли и заботы, «все явления жизни» — совсем иное, не способное задеть их душу.

«В СЕ БОЛЬШИЕ произведения всегда суть обобщения. «Дон-Кихот», «Фауст», «Гамлет» — все это обобщения», — говорил Максим Горький. Тем и отличается искусство реализма, социалистического реализма от бескрылого бытописательства, от натурализма, что оно выявляет самую суть характеров и обстоятельств, именно в этом его общественная ценность. Это — познание, сила которого определяется высотой точки зрения, то есть истинностью воззрений и чувствования писателя, а проявляется (в полном согласии со спецификой литературы) посредством укрупнения, заострения сути познанного явления, «Искусство преувеличивает и «добро» и «зло», — утверждал писатель. — Это его социальное-педагогическое «прием», и это его право. Сатана и бог — не что иное, как две формы типизации противоборствующих начал...»

Вот это «укрупнение» и «заострение» сути явлений хотелось бы видеть и в произведениях современной литературы, принадлежащих перу наших талантливых писателей. Вокруг романа Ю. Бондарева «Игра» не утихают споры, сталкиваются различные точки зрения. Внесу и я свою лепту в эти споры. Как и многие, писавшие о романе, я нахожу, что писатель сумел затронуть жгучие вопросы внешнего бытия. Как и другие критики, я рассматриваю «Игру» как завершающую часть трилогии о крупном писателе, знаменитом художнике, известном кинорежиссере. Если писатель Никитин («Берег») с полного согласия автора ведет междоусобные идеологические бои, если художник Васильев («Выбор») при нравственной поддержке автора напряженно размышляет о жизненной необходимости для деятеля искусства и для каждого человека ясного выбора в пользу гуманистических целей мирового развития и своей Родины, то в

истории кинорежиссера Крымова не все ясно и определено. Порой в раздумьях героя смещаются реальные критерии в оценке серьезных общественных процессов, порой его мировосприятие окрашивается лишь в мрачные тона.

Перечитывая суждения Максима Горького, нельзя не обратить внимание на то, сколь часто и сколь настойчиво добивался он от литераторов художественного укрупнения и, стало быть, рельефности изображаемого. Так, он конкретно советовал драматургу А. Афиногенову по поводу его персонажей: «В конце концов, я бы сделал дьякона умнее, ядовитей, тоньше, а Малько — гораздо более крупным, суровым, подавляющим своим пафосом, реализмом мышления, сарказмом фактов». Это же требование поэтики реализма — необходимость ясной и точной авторской позиции Максим Горький утверждал раз за разом, пользуясь любым предлогом. «В основе своей искусство есть борьба за или против, равнодушного искусства — нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительность, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает», — утверждал Максим Горький в статье «Об искусстве», написанной в 1935 году.

Наша критика не раз выступала против неясности, «размытости» авторской позиции в показе жизненных явлений, нуждающихся в точной социальной оценке. Не считаю зазорным вновь обратиться к некоторым характерным примерам.

Возьмем типичную ситуацию в подтверждение мыслей Максима Горького в романе Л. Карелина «Змеелов» автор с активной-и гражданственной ненавистью изобразил мир «деловых людей» — прозе говоря, крупных и мелких жуликов, запустивших руки в государственный, то есть в наш с вами, карман, и книга эта по достоинству была оценена критикой и обрела широкий круг читателей. Следующий роман, «Последний перелом», написан с той же благородной целью, но читательского резонанса нет, это объяснимо: здесь акцент сбиты, и главарь банды расхитителей Рем Ковергин изображен едва ли не в ореоле исключительности, а самоубийство его — чтобы избежать следствия и тюрьмы — представлено едва ли не трагедией. Но ведь в наших-то глазах крах этого паразита закономерен и справедлив, откуда наше желание увидеть в отдельном издании более точную расстановку нравственных и,

соответственно, эстетических акцентов.

Бывает и так, что авторское отношение к герою выражено вроде бы ясно и определено — оно резко отрицательное. Но «отрицательность» героя выглядит сплывающей как порождение внешних обстоятельств. В повести С. Есина «Имитатор» ее герой, художник Семираев, одержим единственным стремлением «протиснуться и пробиться» к славе. Ради этой цели он не брезгует никакими самыми низкими средствами. В изображении автора Семираев потому чувствует себя хозяином жизни, что обстоятельства якобы за него. Вот и получается, что вопреки лучшим намерениям писателя его герой выглядит не наростом на теле общества, а его продуктом. Уязвимость авторской позиции в повести С. Есина в том, что завышена сила и значимость ничтожного героя и сведено на нет противодействие окружающей его общественной среды. Вот и складывается впечатление, что наше общество не в силах бороться с семираевыми, не в силах противостоять им своими твердыми нравственными принципами.

Вдумываясь в причины слабого подчас вторжения литературы в современные жизненные процессы, сталкиваясь с изобилием безэмоциональной серости, о которой с таким беспокойством говорил с высокой трибуны партийного съезда другой наш великий писатель — Михаил Шолохов, нельзя не прийти к однозначному выводу: дело в «спокойно-холодном» отношении к действительности, в эстетской устремленности от более и забот своего времени. Крайне досадно, когда горячие ситуации оставляют писателя «холодно-спокойным».

Отсутствие ясной, определенной позиции ведет писателя к заметному ослаблению его художественного воздействия на нас, и в этом случае не выручают ни одаренность, ни значительность темы. Критика уже писала о цикле рассказов Г. Семенова «Земные пути» («Новый мир», № 7, 1985), но мне хотелось бы вернуться к нему с несколько иной точки зрения. На мой взгляд, Г. Семенов — писатель, безусловно, талантливый, пластичность его письма, умение находить единственные, неповторимые оттенки для обозначения состояния людей и облика предметов ставят его в первый ряд наших художников слова. Так почему же не стал его цикл рассказов событием нашей литературы и, более того, требуется известное усилие, чтобы дочитать его до конца? Дело в том, что сплошь и рядом рассказчик демонстративно устраняется от желания дать свою оценку изображаемому персонажу по существу, он просто нагромождает факт за фактом из их жизни по принципу «и так бывает». Но ведь мы и сами не хуже его знаем, что жизнь пестра, что бывает «еще и не так». В чем же был смысл его напряженной работы, способной хоть немного продвинуть нас к пониманию сути вещей? Да, склонный, душевно злобный человек по уличной кличке Пулок способен задираться даже с местными хулиганами, да, и этот скандалист способен страдать — ну и что из того? Да, некая старая дева живет идеальными представлениями своей молодости и в то же время пишет эдак-то анонимки писателям за подписью... своего незабвенного командира военных лет — тут уж, кажется, предел человеческой пестроты, но что мы-то, читатели, должны из всего этого извлечь? Какой для себя получить нравственный урок? Что и так вот жить можно, потому что и обо всех этих мерзостях красивыми словами, возможно, напишут? А может быть, паричк просто открылся и все дело в том, что так-то писать легче и проще, чем проникая в определенную суть вещей? Очень не хотелось бы, чтобы Г. Семенов позволял лениться своему незаурядному дару, ибо в результате потери несем все мы — читатели.

П РОБЛЕМА авторской позиции в произведениях литературы рассматривается Горьким строго определенно и однозначно. В одном из писем (Н. Накорякову, 1932 г.) он прямо указывает: «...Я не вижу, не чувствую в повести ясно и определенного отношения автора к герою». Особенно примечательна статья «О кочке и о точке», где говорится: «Чем шире социальный опыт литератора... тем более широк его интеллектуальный кругозор, тем виднее ему, что с чем соприкасается на земле и каковы взаимодействия этих сближений, соприкосновений». В этой статье обращено внимание на слабо развитое «чувство социальной ответственности» у некоторых литераторов. К сожалению, и сегодня приходится говорить о слабо развитом «чувстве социальной ответственности» применительно к некоторым произведениям современной литературы. Разве не вызывают у нас досаду многочисленные, к сожалению, произведения иных авторов, посвященные тщательному, но без отенки любованию выписыванию «амбивалентности» (то есть душевной «пестроты») своих персонажей? Не в том, конечно, беда, что эти квазигерои стали объектом психологического анализа: Клим Самгин даст им сто очков вперед в своей агонической устремленности. Беда в том, что нет в таких книгах подлинной страсти, ярости и четкости, авторских социально-психологических характеристик героев, что великолепно умел делать Максим Горький.

Встречаются в литературе и не столь очевидные случаи отсутствия четкого взгляда на мир. «АГ» писала уже о большом романе молодого прозаика С. Алексеева «Слово» («Наш современник», №№ 2—4, 1985). Тут уж, кажется, пафос автора ясен и благороден: вне знаний прошлого, без изучения родного языка и

истории своего народа жить невозможно. Но почему же и это крупно задуманное произведение не стало, к сожалению, событием литературной жизни? Да потому, что взгляд автора, как бы сказать, расфокусирован, не прояснен им самими до конца. В уста своего главного персонажа, истового собирателя древней книги Гудышниковца, нисколько не отделяясь от него, автор декларативно вкладывает во всех школах и всех вузах истории русского языка и письменности. Пожелание благое, но реальное ли? Этот же персонаж высказывает вдруг... пренебрежительное суждение о «Слове о полку Игореве» на том «основании», что оно-де лишь повторяет зады не дошедшей до нас великой языческой письменности: «Им и восхищаться особенно не стоит, это добротная, красивая песня, написанная в старых литературных традициях, — только и всего». Вот так «похваляла»! «Слово о полку Игореве» — и «только и всего»? А коли возможна подобная «размашистость», то есть смутная приблизительность, неясный взгляд на прошлое, то уж и в избрательных средствах автор себя не стесняет! Тут и картинки типа публичных при изображении прошлого, тут и коварный детектив с якобы странником Леонтием тут и бесконечно неадекватное отношение к тому самому русскому Слову, беречь и возвышать которое справедливо призывает нас автор. И, думается, если при отдельном издании книга эта будет достаточно выверена во всех своих позициях, то мы получим действительно полезную для отечественной культуры вещь.

И, возвращаясь к тому, будет ли произведение художественно ярким, крупномасштабным либо полуплывет оно, серое, по реке серости, мы вновь и вновь не можем не вспомнить страстного призыва классика мировой литературы к нашим литераторам о необходимости для нас высокой точки зрения, ясной и определенной социальной позиции, которая только и позволяет лепить рельефные, запоминающиеся образы, раскрывающие свою человеческую суть в противоборстве, в общественно значимых конфликтах. Эту перспективность художественного мышления Максим Горький называл «третьей действительностью». Он говорил: «...нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего». Необходимость ясного знания своей цели Максимом Горьким воспринималась как «решительная команда», как «революционный приказ эпохи».

П РИЗЫВ к активному вторжению писателя в жизнь, пронизывающий статьи, выступления и письма Максима Горького о литературе, означает не только страстное утверждение нового, передового, но и столь же страстное отрицание всего, что стоит на пути движения социалистического общества. Не случайно же великий художник революции не раз говорит о классовой ненависти. Не случайно гневно выступает против «механических граждан» — обывателей, для которых советский паспорт не предмет законной гордости, а всего лишь казенный «вид на жительство». Читая иные современные произведения, наследные жалкими и ничтожными людскими, замкнувшимися в душевной сфере узкоэгоистических, своекорыстных интересов, зараженным вредоносной бактерией приобретательства и «вещизма», глубоко чуждыми тем интересам, которыми живет народ, не можем не вспомнить и этих уроков Максима Горького. Не терпимость к этому общественному злу, не одну только констатацию самого факта существования «не героев нашего времени» должны нести в себе книги современных писателей, а воспитывать готовность решительной борьбы со всем, что стоит на пути общества развитого социализма.

Великие писатели всегда современны. И сегодня, так же как и более полвека назад, страстно звучит жгучий горьковский вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» И сегодня он будит совесть художника, заставляет его определить свое твердое место в идеологических битвах нашего сурового и ответственного времени. Слова Максима Горького нацеливают писателя на активное вторжение в жизнь, на активное участие в осуществлении грандиозных планов партии и народа.

Задачи, стоящие сегодня перед литературой, у истоков которой высятся фигура Максима Горького, четко определены в проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза: «Главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связи с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение социалистической действительности, вдохновенное и яркое раскрытие нового, передового и страстного обличение всего, что мешает движению общества вперед». С каждым годом все усиливается влияние литературы и искусства на жизнь общества, на его морально-психологический климат. Именно поэтому партия призывает «мастеров культуры» повысить ответственность за идейную направленность творчества, художественную силу воздействия их произведений.

Дальнейшее движение нашей литературы невозможно без твердой опоры на ее богатые и плодотворные традиции, без учета уроков ее основоположников. И сегодня, решая первоочередные свои задачи, литература будет не раз обращаться к Максиму Горькому, заветы которого освещают путь ее плодотворного развития.